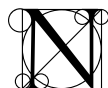

Даниэла
Тим

Безмолвная
честь

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
SILENT HONOR

Перевод с английского *У.В. Сапциной*
Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow&Nesbit Associates и Prava i Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80   **Безмолвная честь:** [роман] / Даниэла Стил; [пер. с англ. У.В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-092719-7

Японка Хироко, нежная и женственная, чужая в шумных Соединенных Штатах, повстречала свою любовь — милого, обаятельного Питера Дженкинса — совсем не вовремя. Ибо в счастье влюбленных ворвалась Вторая мировая война.

Питера призывают в армию, он каждый день рискует жизнью, а Хироко остается лишь ждать и жить надеждой на новую встречу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Danielle Steel, 1996
© Перевод. У.В. Сапцина, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-092719-7

*Посвящается Кунико, которая вынесла
эту жизнь и осталась чудесной женщи-
ной, и Сэмми, неповторимому и нежно
любимому мною.*

Со всей любовью, Д.С.

Глава 1

Долгих пять лет — с тех пор как ему исполнился двадцать один год — родственники Масао Такасимая подыскивали ему достойную невесту. Но, невзирая на все их попытки, Масао отвергал выбранных кандидаток одну за другой, едва успевая познакомиться с ними. Он мечтал найти особую спутницу жизни, женщину, которая не только прислуживала бы ему и относилась с почтением, но могла стать и хорошей собеседницей. Избраннице Масао предстояло не только слушать его и повиноваться, но и разделять убеждения мужа. Ни одна из девушек, с которыми Масао познакомил за пять лет, даже отдаленно не отвечала его желаниям — кроме Хидеми. Когда они встретились, Хидеми было всего девятнадцать, она жила в бураку*, крохотной деревушке близ Аябе. Эта милая, миниатюрная и хрупкая девушка была удивительно нежной. Ее лицо казалось выточенным из тончайшей слоновой кости, темные глаза сияли, как отшлифованный оникс. Первое время их знакомства Хидеми чаще всего молчала, не решаясь проронить хоть слово.

Поначалу Масао считал Хидеми слишком робкой, слишком пугливой, ничем не отличающейся от девушек, которых пытались навязать ему родственники. Все они

---

* Бураку — в древности поселения японцев, занимающихся традиционно презираемым скотобойным и кожевенным промыслом.

слишком старомодны, жаловался Масао, а ему не нужна жена, следующая за ним по пятам как собачонка, способная лишь с благоговением смотреть на своего повелителя. Однако девушки, с которыми Масао встречался в университете, тоже не привлекали его. Прежде всего, их было очень мало. В 1920 году, когда он начал преподавать, ему доводилось встречаться либо с дочерьми или женами профессоров, либо с иностранками. Большинству из них не доставало чистоты и нежности Хидеми. Масао мечтал, чтобы в характере его будущей жены почтение к древним традициям сочеталось со стремлением к новому. Он не рассчитывал, что его жена будет обладать обширными знаниями, но надеялся, что рвением в учебе не уступит ему самому. Наконец в двадцать шесть лет, пробыв два года преподавателем в университете Киото, Масао нашел ее. Она была совершенством. Деликатная и робкая, она живо интересовалась рассказами мужа и несколько раз еще до свадьбы задавала Масао неглупые вопросы о его работе, семье, расспрашивала даже про Киото. Она редко осмеливалась поднять глаза на собеседника. Но однажды, когда она, справившись с мучительной застенчивостью, решилась взглянуть на Масао, он нашел ее прелестной и неповторимой.

Через шесть месяцев после знакомства Хидеми стояла рядом с ним не поднимая глаз, одетая в тяжелое белое кимоно, принадлежавшее еще ее бабушке, подпоясанное широким поясом-оби с золотой вышивкой. С пояса свисал крохотный кинжал — по обычаю, им Хидеми должна была лишиться себя жизни, если Масао решит, что она недостойна его. Ее тщательно причесанные волосы прикрывал традиционный головной убор цунокакуси, оставляющий открытым только лицо. Под тяжелым убором это личико показалось Масао еще тоньше и нежнее. Из-под цунокакуси свешивались изящные украшения для волос, кан-цаси, которые когда-то носила мать Хидеми. Кроме украшений, мать подарила Хидеми огромный шар-тэмари из шелковых нитей, искусно переплетенных между собой, над которым мать трудилась на протяжении всей жизни Хидеми. Она

обвила его первыми нитями сразу после рождения Хидеми, с каждым годом их прибавлялось. За работой мать молилась о том, чтобы Хидеми выросла доброй, достойной и умной. Этот шар был самым драгоценным даром, какой могла сделать мать, трогательным символом ее любви, молитв и надежды на безоблачное будущее дочери.

Облаченный в традиционное черное кимоно и накидку с фамильным гербом, Масао гордо стоял рядом с невестой. Они осторожно отпили по три глотка сакэ из трех чаш, и синтоистская церемония бракосочетания продолжалась. Раньше тем же днем они побывали в храме синто, а эта церемония была официальным закреплением брака, вечным союзом в присутствии родственников и друзей. Глава церемонии рассказывал об истории двух семей. На бракосочетании присутствовали родственники с обеих сторон и несколько профессоров, у которых Масао учился в Киото. Не было только его двоюродного брата Такео. Пятью годами моложе Масао, Такео был его ближайшим другом, и его отсутствие искренне огорчало жениха. Но Такео год назад уехал в Соединенные Штаты — учиться в Стэнфордском университете, в Калифорнии. Ему представилась блестящая возможность, и Масао не раз жалел, что не может присоединиться к брату.

Торжественная церемония затянулась надолго, но за все это время Хидеми ни разу не взглянула на жениха и не улыбнулась, когда их объявили мужем и женой согласно освященным веками традициям синто. После церемонии Хидеми наконец посмотрела на Масао, и слабая улыбка озарила ее лицо. Она низко поклонилась мужу. Масао поклонился в ответ, а затем мать и сестры увели Хидеми сменить белое кимоно на красное, приличествующее приему гостей. В состоятельных городских семьях невестам было положено на протяжении церемонии сменить шесть или семь кимоно, но здесь, в бураку, Хидеми было вполне достаточно двух.

Свадьба состоялась в чудесный летний день, когда поля вокруг Аябе отливали под солнцем всеми оттенками изу-

мруда. Молодожены приветствовали гостей и принимали многочисленные подарки и конверты с деньгами, которые гости вручали Масао.

Звучала музыка, собралась шумная толпа друзей и дальних родственников. Двоюродный брат Хидеми из Фукуоки играл на кото*, а несколько танцовщиц исполняли медленный и грациозный танец бугаку**. Для свадьбы приготовили бесчисленное множество блюд — гости отдавали предпочтение традиционным темпуре, рисовым шарикам, кури саяки, курятине, сасими, красному рису с водорослями-носи, нисега и нарацуки. Тетушки и мать Хидеми начали готовить еду для торжества еще несколько дней назад. Бабушка Хидеми — обаатян — сама следила за приготовлениями: ее безмерно радовало замужество младшей внучки. Хидеми уже достигла возраста расцвета и была готова к новой жизни. Она могла стать хорошей женой любому мужчине, а союз с Масао с воодушевлением восприняла вся семья — несмотря на излишнее увлечение жениха современными веяниями. Отец Хидеми нашел в нем интересного собеседника: Масао нравилось обсуждать политику и вообще говорить о большом мире. Но вместе с тем он уважал традиции своего народа. Он вырос в достойной семье, был порядочным юношей, и семья Хидеми не сомневалась, что он будет ей отличным мужем.

Первую брачную ночь Масао и Хидеми провели в доме ее родителей, а на следующий день уехали в Киото. Хидеми нарядилась в прелестное красновато-розовое кимоно, подаренное ей матерью, и выглядела прехорошенькой. Масао увозил ее в «Форде-Т» модели 1922 года, одолженном по такому случаю у профессора-американца, преподающего в университете Киото.

---

* Кото — национальный японский инструмент семейства цитр с продолговатым корпусом, выпуклой деревянной декой и тринадцатью шелковыми струнами, предназначенный для исполнения традиционной музыки гэгаку.

** Бугаку — музыкально-танцевальное искусство, представления которого разыгрываются под открытым небом актерами в красочных костюмах и масках из дерева и бумаги.

Вернувшись в Киото, они поселились в небольшом, скромном доме, и Хидеми оправдала все надежды Масао, зародившиеся в нем еще во времена их знакомства. Она поддерживала в доме безукоризненный порядок и соблюдала семейные обычаи. Она регулярно посещала ближайший храм, вежливо и гостеприимно встречала коллег Масао, которых он приводил на ужин. Хидеми питала к мужу глубокое почтение. Иногда, расхрабрившись, она подсмеивалась над Масао — особенно когда у него появлялась охота поболтать с женой по-английски. Масао придавал огромное значение знанию иностранного языка и настаивал, чтобы жена научилась английскому; он непрестанно просвещал Хидеми, беседуя с ней на всевозможные темы: о Британской Палестине, о Ганди в Индии, даже о Муссолини. В мире происходило множество событий, о которых, как считал Масао, должна знать жена, и его настойчивость забавляла Хидеми. Масао оказался нежным, внимательным и заботливым мужем, он часто делился с Хидеми своей мечтой иметь много детей. Хидеми смущалась, когда он заговаривал об этом, но как-то прошептала, что надеется подарить мужу много сыновей, которыми Масао будет гордиться.

— Дочерьми тоже можно гордиться, Хидеми-сан, — мягко возразил Масао, и жена с изумлением взглянула на него. Она считала бы позором производить на свет одних дочерей. Выросшая в Аябе, Хидеми была глубоко убеждена, что ценность для мужа представляют только сыновья.

В последующие месяцы молодые супруги не только стали добрыми друзьями, но и полюбили друг друга. Масао по-прежнему был нежным и внимательным, его глубоко трогало множество почти незаметных проявлений заботы со стороны жены. Масао всегда ждала вкусная еда, искусно составленные букеты свежих цветов оживляли токонома — нишу, где висел расписной свиток, самое важное и ценное украшение дома.

Хидеми вскоре узнала, что нравится и не нравится мужу, и ревностно старалась избавить его от малейших поводов для раздражения. Она была идеальной женой, и со време-

нем в Масао все сильнее вспыхивала радость — оттого что он нашел Хидеми. Она по-прежнему робела, как до свадьбы, но Масао чувствовал, что мало-помалу Хидеми привыкает к нему, осваивается в его мире. Чтобы угодить мужу, она даже заучила десяток английских фраз — вечерами, когда они ужинали вместе, Масао беседовал с ней только по-английски. Он часто рассказывал жене о своем брате Такео, живущем в Калифорнии. Такео не мог нарадоваться своей работе в университете, он только что женился на кибей — девушке, которая родилась в Штатах в японской семье, но образование получила в Японии. В письмах Такео сообщал, что его жена — медсестра, что ее зовут Рэйко, а ее семья родом из Токио. Уже не раз Масао мечтал о том, как он повезет Хидеми в Калифорнию, в гости к брату, но пока мечты оставались неосуществимыми. Масао был слишком занят в университете, и, несмотря на успешную карьеру, с деньгами пока было негусто.

Хидеми ничего не сказала мужу, когда поняла, что ждет первенца, и, согласно обычаю и наставлениям матери, с момента, когда беременность стала заметной, перевязывала себе живот. Масао узнал об этом только в начале весны, когда супруги занимались любовью — как всегда, весьма благопристойно. Хидеми до сих пор стеснялась. Заподозрив, что жена беременна, Масао спросил ее об этом, и Хидеми долгое время молчала. Наконец, густо покраснев, едва заметно кивнула.

— Значит, да, малышка? Это правда? — Масао бережно взял ее за подбородок и повернул к себе, продолжая улыбаться. — Почему же ты мне ничего не сказала?

Хидеми не смогла ответить. Она смотрела в глаза мужу и молилась, чтобы не покрыть себя позором, подарив ему дочь.

— Я... я каждый день молюсь, Масао-сан, чтобы родился сын... — прошептала она, тронутая мягкостью и добротой мужа.

— Я буду рад и дочери, — честно признался Масао, ложась рядом и погружаясь в мечты о будущем. Его привле-

кала мысль о детях — особенно детях от Хидеми. Она была так прекрасна и мила, что Масао не мог вообразить себе ребенка прелестнее, чем его дочь, похожая на свою мать. Но Хидеми, казалось, была потрясена его словами.

— Не надо так говорить, Масао-сан! — Она опасалась даже думать об этом, чтобы вместо долгожданного сына не родить дочь. — У вас должен быть сын!

Она так непреклонно настаивала на своем, что Масао изумился. Впрочем, редкие мужчины в Японии одинаково радовались появлению и сыновей, и дочерей. Масао считал, что традиционная одержимость иметь одних сыновей совершенно нелепа. Ему была приятна мысль о дочери, которую он сможет научить мыслить и рассуждать по-новому, избавит от тяжести уз древних обычаев. Масао нравились приятные, старомодные манеры Хидеми, но вместе с тем он радовался, когда жена интересовалась его современными идеями и убеждениями. Именно это привлекало его в Хидеми. Она снисходительно относилась ко всем новомодным идеям мужа, интересу к мировой политике. Возможно, Хидеми не воспринимала слова мужа всерьез, но всегда с любопытством слушала его рассказы. Возможность пробудить такое же любопытство в ребенке и вырастить его приверженцем всего нового пленила Масао.

— У нас будет самое современное дитя, Хидеми-сан, — с улыбкой произнес он, поворачиваясь к жене, и Хидеми отвернулась, вспыхнув от смущения. Иногда, когда он заводил разговор о деликатных предметах, на Хидеми вновь нападала робость. Она искренне любила мужа, не в силах выразить свою любовь словами. Она считала Масао самым умным, чудесным и утонченным супругом, какого могла бы только пожелать. Хидеми нравилось даже слушать, как он говорит с ней по-английски, как бы мало она ни понимала. Она была совершенно очарована супругом.

— Когда родится малыш? — спросил вдруг Масао, поняв, что еще не выяснил самого главного. Год начался на редкость бурно — особенно в Европе, где французская армия оккупировала Рур в отместку за отсрочку военных

репараций со стороны Германии. Но теперь новости мировой политики поблекли для него по сравнению с новостью о будущем первенце.

— В начале лета, — тихо отозвалась Хидеми, — думаю, в июле.

В июле исполнялся ровно год со дня их свадьбы. К тому же лето было самым подходящим временем для появления на свет ребенка.

— Я хочу, чтобы ты рожала в больнице, — заявил Масао, взглянув на жену, на лице которой немедленно появилось упрямое выражение. Теперь, спустя восемь месяцев после свадьбы, Масао успел хорошо изучить жену. Несмотря на снисходительность к современным манерам мужа, в некоторых вещах она не собиралась уступать ни на йоту. Когда речь шла о семейных делах, Хидеми с поразительной решимостью и упорством цеплялась за древние обычаи.

— Это ни к чему. Мать и сестра приедут и помогут мне. Ребенок родится здесь. Если понадобится, позовем священника.

— Малышка, тебе нужен не священник, а врач.

Хидеми не ответила. У нее не было желания проявлять неуважение к мужу или спорить с ним. Но когда подошло время родов и Масао стал упорствовать в своем решении отвезти жену в больницу, она горько расплакалась. Мать и старшая сестра Хидеми приехали в июне, как и предполагалось, и оставшееся до родов время гостили у молодых супругов. Масао не возражал против этого, но по-прежнему хотел, чтобы за Хидеми присматривал врач, а ребенок появился в больнице Киото. Масао уже давно понял, чего боится Хидеми: ей не хотелось покидать дом, не хотелось показываться врачу. Тщетно Масао пытался переубедить жену или ее мать, что это будет лучше для самой Хидеми. Мать Хидеми лишь улыбалась и относилась к Масао так, словно ему в голову взбрела немыслимая причуда. Сама она рожала шесть раз, но выжило только четверо детей. Один родился мертвым, другой умер от дифтерии в младенчестве. Мать Хидеми, как и ее сестра, разбиралась в по-

добных делах. У сестры Хидеми было уже двое детей, и ей приходилось немало помогать роженицам.

Проходили дни, Масао постепенно понимал, что ему не переубедить упрямых женщин, и с беспокойством наблюдал, как растет живот Хидеми и как досаждают ей летняя жара. Каждый день мать заставляла ее следовать обычаям, чтобы облегчить роды. Они посещали храм и усердно молились; ели традиционные блюда. Днем Хидеми подолгу гуляла с сестрой. А по вечерам, когда Масао возвращался домой, Хидеми встречала его вкусным ужином, прислуживала ему и выслушивала принесенные мужем новости. Но единственной новостью, которая сейчас интересовала Масао, было здоровье Хидеми. Она казалась такой маленькой, а ее живот — огромным. Думая о молодости и хрупкости жены, Масао не на шутку тревожился.

Ему хотелось иметь ребенка от Хидеми, но теперь, когда пришло время, его ужасала мысль о том, что это желание может стоить Хидеми жизни. Он без конца говорил об этом с тещей, и та уверяла, что женщины созданы, чтобы рожать детей, что с Хидеми все будет в порядке — даже без вмешательства врачей. Большинство женщин во всем мире по-прежнему рожали дома, и мать Хидеми твердо придерживалась давних обычаев, несмотря на все доводы Масао о преимуществах больниц.

С каждым днем он тревожился все сильнее, пока наконец в конце июля, вернувшись с работы днем, не обнаружил дом непривычно опустевшим. Хидеми не ждала его у дверей, как обычно, ее не было ни в комнате, ни у маленькой, сложенной из кирпичей печки в кухне. В доме стояла тишина. Масао осторожно постучался в комнату тещи и невестки и, открыв дверь, обнаружил там всех троих. Схватки у Хидеми начались несколько часов назад, она лежала молча, с искаженным от муки лицом, стискивая в зубах палочку и силясь вырваться из рук матери и сестры. В комнате было душно, в воздухе висел пар, у ложа стоял большой таз с водой. Сестра Хидеми смахнула пот со лба. Масао заглянул в комнату и попятился, опасаясь помешать.

Он низко поклонился и вежливо осведомился, как себя чувствует его жена. Ему ответили, что с ней все в порядке, и теща Масао торопливо подошла к сёдзи*, служившей дверью, поклонилась зятю и задвинула перегородку. За все это время Хидеми не издала ни звука, но, судя по тому, что успел увидеть Масао, выглядела она ужасно. Пока Масао отходил от комнаты, его терзали тысячи опасений. Что, если боль окажется слишком мучительной? Если Хидеми погибнет от нее? А если ребенок будет слишком крупным? Вдруг он убьет свою мать? А может, она выживет, но никогда не простит мужа? Возможно, она никогда больше не заговорит с ним. Что делать, если Хидеми возненавидит его, Масао, за все муки, которые ей придется пережить? Эта мысль была отвратительна Масао. Он сходил с ума от любви к Хидеми, отчаянно желал вновь увидеть ее тонкое, словно выточенное, личико и был готов войти в комнату и помочь ей. Однако он понимал: женщины устроят истерику, стоит ему высказать столь чудовищное предложение. Комната роженицы — не место для мужчины. Нигде в мире мужьям не положено видеть, как мучаются в родах их жены, и уж тем более здесь.

Масао медленно прошел в сад и сел, ожидая новостей от жены. Он забыл о еде, забыл обо всем на свете. Уже стемнело, когда его свояченица тихо подошла к нему и поклонилась. Она приготовила для Масао сасими с рисом, и это привело его в недоумение. Масао не мог понять, как она могла бросить Хидеми, чтобы позаботиться о нем. Сама мысль о еде вызывала у него отвращение. Он поклонился свояченице, поблагодарил ее за заботу, а затем тихо спросил о Хидеми.

— Все хорошо, Масао-сан. Еще до утра она подарит вам здорового сына.

---

* Сёдзи — стенные клетчатые рамы из легких деревянных планок, заменяющие в японских домах окна и двери. С внешней стороны оклеены полупрозрачной бумагой, легко двигаются в пазах и вынимаются.

До утра оставалось еще десять часов, и Масао показалась невыносимой мысль о том, что Хидеми предстоит еще много мучений.

— Но как она? — настойчиво добивался он ответа.

— Ничего страшного. Она исполнена радости — оттого что сможет подарить вам желанного сына, Масао-сан. Это лучший день ее жизни.

Масао чувствовал фальшь в этих словах: он представлял себе, какую невыносимую муку терпит Хидеми, и это сводило его с ума.

— Вам лучше вернуться к ней. Прошу вас, передайте, что я горжусь ею.

Сестра Хидеми улыбнулась, поклонилась и исчезла в своей спальне, а Масао принялся нервно вышагивать по саду, не вспоминая про принесенный ужин. Никакие силы на свете сейчас не заставили бы его взять в рот хотя бы крошку. Единственное, чего ему хотелось и что было недоступно, — прямо сейчас сказать Хидеми, как он ее любит.

Масао просидел в саду всю ночь, думая о жене, о месяцах, которые они провели вместе, вспоминал, как много значит для него Хидеми, какой ласковой и доброй она была, и как он любил ее. Этой ночью он выпил много саке и курил одну сигарету за другой, но, в отличие от своих товарищей, не ушел к друзьям и не лег спать, забыв о жене. Большинство мужей в таких случаях считали своим долгом покинуть дом, а о новостях справлялись лишь утром. А Масао сидел в саду всю ночь, время от времени ходил по дорожке и один раз, приблизившись к дому со стороны комнаты Хидеми, услышал ее вскрики. Не в силах вынести это, он дождался, когда в двери мелькнет фигура свояченицы, и спросил, не нужно ли позвать врача.

— Конечно, нет, — улыбнулась она, поклонилась и вновь исчезла. Она казалась поглощенной своими мыслями.

Перед рассветом в сад вышла теща Масао. К тому времени он уже успел слишком много выпить, был бледным

и растрепанным, сидел, затягиваясь сигаретой и глядя, как солнце медленно всплывает над горизонтом. Увидев выражение лица тещи, он ощутил мгновенный испуг — на морщинистом лице отражались скорбь и разочарование. Сердце Масао на миг замерло. Казалось, мир вокруг поплыл в замедленном танце. Масао желал расспросить о жене, но, увидев печальное лицо тещи, понял, что не сможет выговорить ни слова. Он просто сидел и ждал.

— Плохие новости, Масао-сан. Мне очень жаль.

Масао на мгновение прикрыл глаза, собираясь с духом. Минута радости обратилась в кошмар. Он только что понял, что потерял и жену, и ребенка.

— С Хидеми все хорошо.

Масао открыл глаза и уставился на женщину, не в силах поверить в свою удачу. У него перехватило горло, глаза наполнились слезами — многие мужчины сочли бы это позором.

— А ребенок? — наконец решился спросить Масао. Хидеми жива. Еще не все потеряно. Как же он любил ее!

— Это девочка. — Теща Масао отвела глаза, скорбя о том, как подвела мужа ее дочь.

— Девочка? — в восторге переспросил Масао. — Что с ней? Она жива?

— Конечно. — Вопрос изумил мать Хидеми. — Мне очень жаль...— начала она, но Масао встал и благодарно поклонился ей.

— А я ни о чем не жалею. Я счастлив. Прошу вас, скажите Хидеми...— Он осекся и почти побежал по саду. Небо из персикового становилось огненным, взошло солнце и засияло, как фейерверк.

— Куда вы, Масао-сан? Вам нельзя...— Но запреты были невозможны. Дом принадлежал Масао — как и его жена и ребенок. Здесь повелителем был он. Навещать жену в такой момент было неприлично, но Масао не задумывался об этом. Перепрыгнув через две ступеньки крыльца, ведущего к второй спальне, он негромко постучал по сёдзи, прикрывающей вход в комнату. Сестра Хи-